

НАЧИСТОТУ

Светлана Уланова (слева) из шахтёрской семьи

Даже под землёй есть граница

Что за страшное слово – маркшейдер?

– Светлана, вы из шахтёрской семьи?

– Отчим, которого я всегда называю папой, – шахтёр, ветеран труда. Помню, уходя на смену, он всегда целовал меня и брата. А когда возвращался, приносил шоколадку. Муж тоже бывший шахтёр.

– Почему выбрали именно эту профессию?

– Все живущие в угольном регионе прямо или косвенно всё равно связаны с шахтёрскими профессиями. В Кузбассе два самых главных праздника: День шахтёра и Новый год. Их празднуют все – и взрослые, и дети. И когда звучит последний звонок, то выбор многие останавливают на шахте. Помню, листала справочник «Куда пойти учиться», увидела специальность «маркшейдер», подумала: «Что за страшное слово?» А потом именно эту специальность и выбрала.

– Для непосвящённых в тонкости горного дела слово и правда страшное. Что за ним скрывается?

– На заре становления горной промышленности основной задачей маркшейдерской службы являлось определение под землёй границ горных отводов отдельных шахт. Людей, умеющих это делать, стали называть маркшейдерами, что происходит от немецких слов: «mark» – граница, межа и «scheiden» – устанавливать. Слово «маркшейдер» в буквальном переводе означает «установитель границ».

Простому человеку и представить сложно, как глубоко под землёй идут две бригады встречными забоями и сбиваются в одну выработку длиной в километр или больше. Маркшейдеры измеряют длину с точностью до миллиметров, углы в градусах – до секунд. Всё происходит в очень экстремальных условиях. Как только не приходилось работать с теодолитом: стоя на коленях или почти лёжа, а бывало и стоя на одной ноге... Меня уверяли, что я научусь ругаться по-шахтёрски. Но, видно, мало ещё работаю – пока не научилась...

– Увлечение стихами давнее?

– В школьные годы была у меня тайная тетрадка, в которую

записывала свои рифмованные строчки. Кто не пробовал писать стихи во времена первой влюблённости и переживаний, начитавшись романов Дюма, стихов Пушкина, Есенина? Потом был институт, замужество, рождение детей. И эта увлечённость отодвинулась на второй план. В свободные минуты старалась читать. А с детьми разучивала стихи Ахматовой, Маршак... Стихи снова пришли ко мне, когда дети выросли. Нашла свою тетрадку, решила пересмотреть свои вирши по правилам стихосложения. Занималась чистой математикой: считала размер, отсчитывала ритм. Так появилась первая книга.

– Расскажите о Всероссийском фестивале поэзии им. А. Бельмасова, одним из организаторов которого вы являетесь.

– Родоначальником его был член Союза писателей России Алексей Бельмасов. Когда поэта не стало, Дмитрий Филиппенко и я решили продолжить его дело. «В Ленинске-Кузнецком всегда кипела поэтическая жизнь. И будет кипеть!» – решили мы. Помогли волонтеры, ребята из литературных студий. Отдельная благодарность нашим спонсорам – ведущим угольным компаниям региона: ОАО «СУЭК – Кузбасс» и ОАО «Шахта «Заречная». Четвёртый поэтический фестиваль им. А. Бельмасова получил статус всероссийского. Приехали более ста участников из десятков городов Кузбасса и Сибири. Семинар для молодых авторов провели такие мастера, как Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов и Дмитрий Мурзин (Кемерово), Нина Ягодинцева (Челябинск), Валентина Ярофеева-Тверская и Вероника Шелленберг (Омск).

– Ваши дети продолжают шахтёрскую династию?

– Младший сын после службы в армии уже год работает на шахте, знает мою работу изнутри. Самое важное, чтобы дети нашли себя в жизни и достигли успехов. Знаю, что после трудового дня в шахте дома дочь напойт меня чаем, а сыновья помогут по дому или с работой на компьютере и всегда поддержат в трудную минуту.

ИЗ БЛОКНОТА

Дважды боевое крещение

В угольной промышленности работают не только мужчины. У нашего автора Светланы Улановой случился даже не один, а целых два первых рабочих дня на шахте.

Робы, портянки и купальники

Первой была шахта в городе Кемерово. На втором курсе университета я с однокурсниками отправилась на производственную практику. Приехали на шахту, получили робы: куртки, штаны, каски (белые, как у настоящих инженеров), нательное бельё, сапоги, портянки – всё, как полагается.

Нужных всем размеров спецодежды, естественно, не хватило. Моей подгруппнице Галке достался 54-й размер. А она маленького росточка, худенькая. Снарядили мы её в робу: куртка до колен, штаны – ещё две Галки войдут, нашли бинт, подпоясали, рукава подвернули, посмотрели – настоящий шахтёр в миниатюре.

Про наматывание портянок отдельный разговор, как в кино «А зори здесь тихие». У меня сразу получилось, прошедший войну дед только портянки пришивал, а я часто в детстве гостила в деревне. А вот в Галкины шахтёрские сапоги ноги в кедах спокойно входили. Кто-то принёс ей сапоги поменьше. Обули. Посмотрели друг на друга. Посмеялись. Пошли.

В ламповой получили по шахтёрскому светильнику с килограммовым аккумулятором, и конечно, по самоспасателю – ещё 3,5 кг. Кстати, сапоги тоже около двух кг весят... В клетке шахтёр развёл руками, глядя на Галку: «Зачем такую малышку в шахту взяли?»

Помню, как на спуске закладывало уши, гул, клокотание в груди и страх неизвестности. На глубине не давала покоя мысль,

что в шахте я могу видеть только благодаря своему светильнику.

Потом была работа на территории шахты. Лето, июль, солнце. Девчонки разделились почти до купальников: жарко же! Удивлялись, правда, что непривычно много шахтёров на поверхности, и почти не работают, сидят без дела. Потом пришёл главный инженер и предложил всем одеться, сказав, что из-за нас, практиканток, шахта встала.

В шахте всё по-другому

Первый день настоящей работы на шахте случился после тринадцатилетнего перерыва, если не считать годы работы на открытых разработках, где всегда есть небо и солнце. В шахте всё по-другому.

Устроившись на шахту, я удивлялась: девочки-маркшейдеры с утра убегали в шахту, как они говорили, на «фитнес, за который ещё и платят», а потом возвращались уставшие, но всегда в хорошем настроении, с улыбкой... Быстро пили чай и сажались обрабатывать то, что намерили на глубине. Именно они и мой руководитель – главный маркшейдер помогли мне наверстать упущенное.

И вот настал день, когда я, начальник и двое рабочих нашего отдела зарядились в «ламповой», взяли необходимые инструменты для работы и заторопились к стволу, где нас ждала клеть. Там, в зоне ожидания, услышала нашу фирменную поговорку: «Всё забыли, ничего не взяли?» Проверила: теодолитная книжка и карандаш в одном кармане, 5-метровая рулетка, мелок, отвес, светляк, 30-метровая рулетка – в других. Теодолит был в руке у шефа, а за молотки, штатив и клинья отвечали рабочие.

Загремела решётка открывающейся клетки, и вслед за другими шахтёрами мы зашли в большое помещение для спуска на сотни метров в шахту. Гул и рокот напомнили ощущение спуска в студенческие годы. Постаралась представить рок-концерт, чтобы

отвлечься. Незнакомый шахтёр протянул конфету. Поблагодарила. Полегчало. Клеть дёрнулась, и я еле удержалась, чтобы не ухватиться за рукав начальника. Стало немного стыдно: вдруг, подумает, что боюсь... Сейчас, конечно, привыкла, бывает и одна в клетке поднимаюсь.

До места нашей работы мы ехали на «пассажирах» – электровагонах с вагончиками для людей, а потом ещё шли пешком около двух километров. Мне показалось – в два раза больше. По дороге поняла, что глаза у шахтёра должны быть как у хамелеона: видеть всё, что впереди, сверху, снизу и по бокам. Каска не зря придумана: проверила в тот день не раз. И очки защитили, когда сильная струя воздуха от вентиляции билась в лицо.

Снепривычки в первый день идти быстрым шагом под землёй у меня получилось недолго. Приходилось часто отдыхать, и моим коллегам вместе со мной. Задумавшись, отвлеклась, споткнулась и попала ногой в яму, заполненную пульпой – вязкой смесью угольной пыли с водой. Сапог миглом наполнился пульпой. Товарищи помогли выволнить ногу. Начальник, недолго думая, поделился своей портянкой: у него оказалось по две на ногу.

Работу сделали быстро, без приключений. В забое ко мне подошёл один из проходчиков и протянул полиэтиленовый мешочек с конфетами. Подумала: «Второй раз за день. И не узнаю потом, кто». В темноте, в пыли, при тусклом свете шахтёрских светильников проходчики все на одно лицо.

Потом был долгий обратный путь. Из-за моих злоключений опоздали на «пассажир», и шли всю дорогу пешком. Нас обогнала пешая группа шахтёров, один из них bravо вышагивал, несмотря на выпирающий живот, так называемую «шахтёрскую мозоль», на ходу рассказывая анекдоты. Я пыталась идти наравне с ним – не удалось. Начальник сказал, что обогнавший нас мужчина не очень давно перенёс операцию на сердце. «Вот это настоящая шахтёрская пехота!» – пронеслось в голове.

Дорога туда и обратно – около десяти километров. Ноги ныли и заплетались. Напоследок умудрилась зашнуровать о рельс в километре от ствола. Нога в сапоге шагнула, а сапог – не успел. Что поделаться, если шахтёры с 35-м размером ноги – исключение, а потому мне выдали 39-й размер сапог, самый маленький?!

Вышла я из шахты в угольной пыли, в чистой портянке, с мокрыми чулками, уставшая до невозможности, зато с лицом настоящего шахтёра и с чувством выполненного долга. В конце рабочего дня главный маркшейдер подытожил, что «боевое крещение» я с честью выдержала.

Светлана Уланова

